

— Наследный принц в последнее время весьма усерден в учении. Это похвально. Если в будущем земли династии Лун перейдут в столь надёжные руки, моё сердце будет спокойно.

Эти слова, оброненные императором во время ужина во дворце Цися, наконец растопили лёд на лице императрицы. Её настроение заметно улучшилось, и придворные слуги, ловившие каждый её вздох, облегчённо перевели дух — теперь и их жизнь на какое-то время станет легче.

На следующий день, вспомнив, что наступил праздник Сяюань, императрица слушала рассказы Жун Яо о том, как шумно и весело сегодня будет за стенами дворца. Она давно миновала ту беззаботную пору, когда сердце тянется к столичной суете, но, внимая речам старой служанки, невольно погрузилась в воспоминания. Перед глазами всплыл образ юной девушки, которая много лет назад в такой же праздник Сяюань тайком ускользнула из покоев вместе с нянькой, чтобы вдоволь посмеяться на рыночных площадях столицы.

— Чем сейчас занят наследный принц? — тихо спросила она.

— Его Высочество только что вернулся из зала Вэньхуа в Восточный дворец. Сейчас они с наследником Янем читают книги.

Поддавшись необъяснимому порыву, императрица произнесла:

— Раз сегодня праздник Сяюань, пошлите кого-нибудь в Восточный дворец. Пусть передадут моё слово: в городе нынче оживлённо, пусть он и наследник Янь отправятся в город и немного развеются.

Услышав это, Жун Яо просияла. Поклонившись, она тотчас велела слугам передать наказ.

В Восточном дворце Чу Юй в недоумении оторвался от свитков.

— Матушка сама так сказала?

— Именно так, Ваше Высочество, — с улыбкой подтвердил посланник из дворца Цися. — Государыня велела передать, что в городе сегодня празднично. Впрочем, она добавила: если Ваше Высочество не желает покидать дворец, то можете оставаться здесь и в тишине предаваться учению.

Янь Хуай, облачённый в дорожное платье, отложил книгу. Втайне он очень хотел прогуляться по праздничным рядам, но, покидая зал Вэньхуа, решил, что принцу будет слишком одиноко, и остался составить ему компанию, рассчитывая выбраться в город позже.

Услышав о дозволении императрицы, он едва сдержался, чтобы не ответить за друга, но вовремя напомнил себе о приличиях.

— Что ж, тогда идём, — негромко произнёс Чу Юй.

Лицо Янь Хуая озарилось радостью.

Переодевшись в простое платье и взяв с собой лишь нескольких гвардейцев в штатском, они покинули дворец и в закрытых паланкинах отправились к торговым кварталам столицы.

Луна уже взошла в зенит, заливая город холодным сиянием.

Цзи Линьси следовал за Ван Чии. Поначалу он думал, что «увидеть мир», о котором твердил сын канцлера, означало полюбоваться столичным блеском праздничной ночи или оценить широту кармана молодого господина. Однако тот, не раздумывая, направился напрямик к одному из цветочных павильонов.

Ещё не переступив порог, можно было учуять густой аромат пудры и благовоний, смешанный с гомоном возбуждённой толпы.

Стоило им войти, как хозяйка заведения, завидев молодого господина Вана, расплылась в приторной улыбке и, взмахнув надушенным платком, поспешила навстречу:

— Ой, батюшки! Неужто это сам молодой господин Ван! Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами вы к нам сегодня пожаловали?!

— Меньше слов, — Ван Чии смерил её надменным взглядом. — Где Лу Ханьфэй и остальные?

— Господин Лу с друзьями изволят отдыхать на четвёртом этаже, вкушают вино в приятной компании! Я сей же миг провожу вас!

Юноша послушно следовал за сыном канцлера. Когда они подошли к дверям отдельного кабинета на четвёртом этаже, изнутри донёсся раскатистый, развязный смех. Сводня хотела было постучать, но Ван Чии просто вышиб дверь ногой.

— Это ещё кто?! — один из щеголей в гневе обернулся, готовый проучить наглеца, но, увидев вошедшего, мигом сменил гнев на милость: — Чии!

В одно мгновение все присутствующие в комнате бросились к нему, бесцеремонно отпихнув в

стороны обнимаемых девиц.

— Как ты здесь оказался? Мы уж думали, ты не придёшь!

— Сто лет тебя не видели! Слышали, господин канцлер запер тебя в поместье и заставил грызть гранит науки. Ну и как успехи?

Линьси украдкой разглядывал компанию. Судя по дорогим одеждам, это были сыновья высокопоставленных чиновников, такие же прожигатели жизни, как и их предводитель.

Он помнил, что его прекрасный господин был сыном великого наставника. Не зная точно, в каких отношениях состоят столичные сановники, Линьси с замиранием сердца искал знакомое лицо среди присутствующих. Не обнаружив его, он почувствовал укол разочарования, но быстро успокоил себя: человек столь благородного нрава, как его возлюбленный из снов, никогда не опустится до компании такого ничтожества, как Ван Чии.

«Не спеши, Линьси. Пока ты в столице, день вашей встречи обязательно настанет»

Сын канцлера тем временем по-хозяйски устроился на почетном месте. Одна из девиц, почтительно назвав его Чии, поднесла чашу вина. Приняв её, он не преминул ущипнуть красавицу за руку и, осушив чашу, с грохотом поставил её на стол:

— И не говорите! Из-за этих экзаменов отец держит меня в ежовых рукавицах. Я уже и забыл, каков на вкус воздух свободы.

— Господин канцлер возлагает на вас большие надежды, оттого и строг сверх меры.

— Да будь я на месте вашего отца, с его-то связями я бы вмиг пристроил вас на тёплое местечко. К чему эти муки с экзаменами?

— Кто знает, что в голове у моего старика, — холодно усмехнулся Ван Чии. Он притянул к себе девицу, что разливала вино, и, зарывшись лицом в её шею, глубоко вдохнул: — Всё-таки аромат нежной кожи куда приятнее запаха старой бумаги. Истинное блаженство!

Началось шумное веселье.

— Ах, господин Чии, вы такой проказник, всю помаду мне съели!

— Ха-ха-ха! — Чии зашёлся в громком смехе. — Неужто мне нельзя полакомиться?

— Конечно можно! Если уж вам нельзя, то кому тогда дозволено?

Эта льстивая фраза настолько пришлась молодому господину по душе, что он выхватил пачку ассигнаций и бесстыдно засунул их за корсаж девицы. Та, замирая от восторга, принялась рассыпаться в похвалах его щедрости.

Тут кто-то из компании заметил новое лицо рядом с Ван Чии:

— Чии, а это кто с тобой? Новый слуга? Раньше его не видел.

— А, этот... Его зовут Цзи Линьси. Мой компаньон, забавная вещица. Вы не представляете, до чего он потешный, — небрежно бросил он.

Услышав слово «забавный», молодые господа оживились. Все они были одного поля ягодами и обожали развлечения.

— И чем же он так хорош?

Ван Чии велел заставить стол чашами с вином и, высокомерно вскинув подбородок, приказал Линьси:

— А ну-ка, покажи им свою учёность. На каждую чашу вина — по одному стиху. Пусть господа увидят, какой у меня занятный компаньон.

— Коль стихи будут хороши, я щедро награжу тебя!

Линьси, нацепив на лицо льстивую, заискивающую улыбку, поклонился:

— Как прикажете, молодой господин.

С этими словами он поднёс чашу к губам и осушил её одним глотком. Вытерев рот, он заговорил:

— Гулко бьют барабаны в ночи, утихает людской гомон,

Гаснет пламя свечи, но в окне всё ясней белизна.

Это снег под луною укрыл поднебесное лоно,

И сияньем его вся земля до краёв залита.

— Хорош! Хорош! А ну, ещё чашу! — вокруг раздались одобрителльные выкрики и хлопки.

Линьси выпил снова и тотчас выдал новый стих:

— Ночь бесконечна, и воздух осенний прозрачен,

Пламя свечи я подрезал уже в третий раз.

Лунный свет на постель пал, прохладен и чист,

Там, где ветви платана не скрыли сиянье от глаз.

Готовясь к экзаменам, он заучил тысячи стихотворений и сам упражнялся в сложении строк. То, что поначалу казалось грубым и неотесанным, со временем обрело изящество. Теперь для него не составляло труда импровизировать на потеху публике.

Чаша за чашей пустели. Поначалу господа весело улюлюкали, но вскоре им это наскучило. Часть компании засела за карты «Листья», другие же затеяли игру в прятки с девицами.

О Линьси все позабыли.

Он продолжал пить, но темп его речи замедлился. Желудок, переполненный вином, отозвался резкой болью. Когда дело дошло до двадцатой чаши, и Чии как раз сорвал крупный куш, юноша не выдержал. Его стошнило прямо на пол. С видом в стельку пьяного человека он рухнул на колени и в ужасе пролепетал:

— Молодой господин... ничтожный выпил лишнего... простите мою дерзость... прошу, накажите меня!

Этот жалкий вид вновь привлёк внимание щеголей.

— Чии, ну и сокровище ты отыскал!

— На каждую чашу — по стиху, и при этом такой бесхребетный. Почему у меня нет такого пса вместо компаньона?

— Его наизнанку вывернуло, а он кары просит. Впервые вижу такое ничтожество без капли гордости, ха-ха-ха!

Молодой господин Ван, выигравший кучу денег, был в превосходном расположении духа. Вместо привычных пинков и ругани он небрежно швырнул на пол двадцать лянов серебра. Предвкушая ночные утехы, он приказал, не отрывая взгляда от карт:

— Забирай деньги и проваливай отсюда. Гуляй где хочешь, но утром жди у входа. Я останусь здесь до рассвета.

— Если завтра я выйду за порог и не увижу тебя, можешь забыть о месте компаньона.

Схватив серебро, он рассыпался в благодарностях. Пятясь и низко кланяясь, Линьси покинул комнату. Лишь когда дверь закрылась, в его глазах промелькнула такая ледяная, лютая ненависть, словно он готов был содрать с Ван Чии кожу заживо.

<http://bllate.org/book/15344/1416569>